

(как «писатель» Владимир Седов
Ивана Алексеевича Бунина в свои подмастерья определил)

Принесли мне тут как-то новый журнал, начавший выходить в Нижнем Новгороде. Принесли с запозданием, да, как я понял позже, не случайно, а с умыслом. Видно, хотели лишний раз меня «зацепить», чтоб не больно в своих требованиях к коллегам-литераторам был строг. Только получилось всё наоборот. Прочитал я указанную мне в этом журнальчике заметку и от всей души расхохотался. Да не абы как, а чуть не до слёз. Вот уж повеселил меня автор, так повеселил.

И заметка-то, прямо надо сказать, пустяшная. Но так в ней господин «литератор» раскрылся (прямо до самых, как у нас говаривали ещё не так давно, печёнок, до самой глубины своего дремучего невежества), что куда там современным пересмешникам. Нет, и они бы не сдюжили, не смогли бы так высмеять нашего «героя», как высмеял тот себя сам.

Ну, посудите сами — разве ж кому-то в здравом уме и трезвой памяти (хоть пусть он и считает себя в местной провинциальной литературе величайшим из великих) придёт в голову ставить себя и свои убогие мыслишки, кои, как я думаю, не всякая районная газетка решится опубликовать, выше произведений Ивана Алексеевича Бунина. Ведь это ж позор несмыываемый на себя навести — никак не иначе. Ведь и сто лет пройдёт, а кто-то дотошный всё ж раскопает эту публикацию и ужаснётся. А потом и посмотрит в газетке — кто же это был её редактором, что такую пошлость на страницы своего издания допустил? Ведь автор-то в своих мечтаниях, может, и ставит себя выше классика мировой литературы, да только это ж всё химера-с, туманец, заблужденьице-с, так сказать, незрелого ума, разыгравшегося болезненного воображеньица-с. Но редактор журнальца, видимо, суда потомков не боится. И правильно, родимый, делает. Иначе как бы мы получили такое удовольствие, которое сейчас в полной

мере и совершенно безвозмездно для нашего кармана (журнальчик издаётся за счёт бюджета областного правительства) имеем.

Да уж не буду лишнего томить вас, дорогой моему сердцу и нетерпеливый интеллигентнейший наш читатель. Всё как есть, всё, что имею сказать вам, сейчас же, и без всякой задержки, объясню.

Речь я свою нескладную веду о недавно опубликованных в том самом новом нижегородском журнальчике «Пяти страничках из дневников Владимира Седова (2014) — Ивана Бунина (1919)». И не думайте, что я тут допустил ошибку или как-то по злобе своей неизбывной исказил название опубликованного в журнальце материальца. Ничуть-с! Истинно так и стоит — сначала Седов, надо полагать с уверенностью, что имя этого «писателя» читателям, без всякого сомнения, известно более, чем имя второго, какого-то там Бунина. Потому мыслищи первого и подкрепляются, подвёрстываются внизу, в подвальчике-с, записями второго.

Первый, то бишь Седов, говорит о великом, глобальном, например, о том, как он посетил нижегородское «шоу» Comedy Club и был настолько расстроен увиденным и услышанным («На сцене небритое, невымытое полусонное слабо говорящее на человеческом языке существо... [Вот он — образ-то, вот она — великая проза великого художника слова! — В. С.] Анекдоты, мат, сиськи, письки...»), что в глубоком гневе своём не стал наш «писатель» дарить «говорящему на человеческом языке существу» своей великой книги «Зелёное пальто». Так прямо безжалостно и написал — как отрезал: «Приносил свою новую книгу «Зелёное пальто». Не отдал».

Вот теперь и гадайте, любезные читатели, как «небритое, невымытое полусонное слабо говорящее на человеческом языке существо» сможет жить без новой книги Седова. Никак не сможет-с! Ему только теперь и остаётся, что ложись да помирай. Ведь великих строк оно прочитать уже не в состоянии, приобщиться, так сказать, к культуре, услышать истинно человеческую речь не получится.

Вы, может быть, подумали, что я что-то упустил в заметке нашего «писателя». Мол, нельзя же назвать, в истинном смысле этого слова, произведением то, что я вам только что процитировал. Ну почему же нельзя? Вот главный редактор журнала уверен, что так оно и есть — истинно произведение литературы. И я разве ж посягнул бы, посмел что-то из этого произведения упустить? Да ни в жизни! Я ж понимаю, с чем имею дело. Сам-то

нет-нет да книжки почитываю. А тут возьму да этакой силищи мысли-с утаю. Это ж преступление перед потомками — и никак не иначе-с. К тому же за этими мыслищами, переживаниями какая силища духа видится! Ведь вот книгу-то — не отдал!

Конечно, после таких строк Седова Бунин как-то «не дотягивает», как-то он, родимый, мелковат, что ли? Только что и годится его текст, написанный в самые страшные послереволюционные времена, на «подвёрстку» нынешних «глубинных» рассуждений современного автора. Вот что цитирует у Ивана Алексеевича наш «писатель»:

«Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то «Музыкальная табакерка» — сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алёшка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал «Гаврилиаду», произнося всё, что заменено многоточием, полностью. Алёшка осмелился предложить читать и мне, — большой гонорар, говорит, дадим».

Так ведь эти известные литераторы, чтобы не умереть с голоду, пошли на такое самоунижение. Шли на хлеб насущный зарабатывать, чтобы жизнь свою и своих близких спасти. А Бунин, так тот и на это, несмотря на голод, не пошёл. Хотя, известное дело — нет страшнее чувства для человека, чем когда есть нечего. А ты-то, так и хочется спросить новоявленного «писателя», чего попёрся в этот самый Comedy Club? Ведь вот И.А. Бунин не пошёл в «гнуснейший кабак». А ты туда «завалился» именно для того, чтобы про эти самые «сиськи» и «письки», мат да срамные анекдоты послушать. Ах да, ещё книжку свою подарить. Ну и ожидал, что встретят соответственно — как местную знаменитость. Обласкают и слов сладких наговорят. А оказалось, что никому ты там не нужен. Хоть и человек, как я слышал, далеко не бедный. Вот и обиделся.

Ну да ладно, читаем дальше. К тому же следующая заметка кажется непосредственно нас. Приведу сей замечательный документ полностью.

«Сдал свою вещь (рассказ «Пенсия») в журнал «Вертикаль». Сам никогда его не читал. Слышать — слышал, видеть — видел, но не читал. А зря. Когда напечатали, пришлось прочитать от корки до корки. С кем буду в соседях. Стало стыдно. Надо было

бы всё же вначале почитать то, что называется — «литературный журнал».

Ну уж тут, дорогой читатель, мне писать комментарий — сплошное наслаждение испытывать. Прямо скажу — удружил мне наш «писатель».

И первое — действительно, зачем читать книжки и журналы. Ты же не читатель — писатель. Быть грамотным и начитанным тебе вовсе необязательно. Оттого и распечатка принесённой в редакцию «вещи» была с огромным количеством ошибок. Даже предложения все сплошь написаны слитно. Такое впечатление, что о правилах пунктуации наш «писатель» слыхом не слыхивал, да просто о существовании таковых не имеет понятия. (В редакции случайно эти несколько листов сохранились — на обороте их, в качестве черновика, распечатан другой материал, и любому желающему сей шедевр «творческой мысли» мы с превеликим удовольствием покажем.)

Прочитал я тогда сей текст, посмеялся да и отбросил его в сторону. Но друг мой попросил — подготовь. Тема социальная, о том, как тяжело оформлять пенсии в современной России даже таким небедным людям, бывшим министрам, как Седов. «Текст крошечный, ты легко его приведёшь в порядок». И я, каюсь, поддался на уговоры, пошёл против редакторской совести. (За что и получил сейчас большое «мерси-с».)

Но, конечно, в том виде, в каком написан текст, его печатать было невозможно. Позвонил автору, сказал, что говорить о публикации можно только после серьёзной редакторской переработки. Тот согласился безоговорочно. Я переписал эту социальную зарисовку (всего-то она в журнале заняла две с половиной странички) и опубликовал в рубрике «Современные нравы» — не в «Прозе».

Не буду пересказывать, как мне от нашего «писателя» звонили секретари и помощники, как просили переслать отредактированный текст, как ждали публикацию. Одним словом — времени, чтобы ознакомиться с журналом, было навалом. Но нет — не превозмог себя, не смог сконцентрировать всю мощь своего непревзойдённого интеллекта, не осилил, не почитал.

Зато потом на нашего героя вдруг снисходит озарение: «Надо было бы всё же вначале почитать то, что называется — «литературный журнал». Знаете, и я того же мнения — надо!! Тем более если считаешь себя «писателем».

Но каких соседей, «прочитав от корки до корки» 41-й номер «Вертикали. XXI век» (тут я, дорогой читатель, непременно обращаю ваше внимание на фразу «от корки до корки», что обозначает, что судит «писатель» Седов о всём содержании прочитанного им номера), увидел вокруг себя на журнальных страницах наш герой? Соседство его зарисовки с какими произведениями привело его к столь острому и нестерпимому стыду? Стыду за то, что его «высокое» произведение оказалось осквернённым соседством всё сплошь с неизвестными для него писательскими именами да низкопробными художественными произведениями — повестями Владимира Крупина и народного писателя Якутии Николая Лугинова в переводе замечательных современных прозаиков Петра Краснова и Владимира Карпова. Стихами Николая Заболоцкого (так мы отметили юбилей классика русской поэзии, впрочем, это для кого-то он классик, а Седову с ним в одном журнале печататься — стыд непереносимый) и поэмой из архива Олега Шестинского, стихами Николая Рачкова, с литературно-критическими статьями Валентина Курбатова и Людмилы Сипко. Ну и далее, далее, далее...

К тому же писатель из Якутии Николай Лугинов заканчивал трилогию о Чингисхане, отрывок из которой и прислал в журнал «Вертикаль». Теперь по этой книге снят фильм, а саму трилогию, как мне сказали, выдвинули на Государственную премию. Но соседство и с таким произведением для Седова — стыд. И правда, что это за труд по сравнению с двумя страничками его «Пенсии». Абсолютное баловство-с, не иначе. Как и эссе Валентина Курбатова о военных повестях Виктора Астафьева. Опять же, вы уж извините меня, дорогие читатели, но не удержусь, повторюсь, это ж как минимум надо знать прозу Виктора Петровича, книжки и литературные журналы, извиняюсь за грубость выражения, хоть иногда почитать, а не только в Comedy Club захакивать, где анекдоты, мат да про «сиськи и письки» толкуют. Тогда, может, и не так стыдно будет, что с такими писателями, поэтами да критиками в одном журнале публикуешься. Может, даже порадовался бы. А так — один конфуз.

Словом, я понимаю, насколько все эти имена и произведения непривычны «изысканному литературному» слуху нашего «писателя».

Впрочем, не идёт ли эта неприязнь ещё и оттого, что в те времена, когда «писатель» ещё только командовал вещевым рынком

(в простонародье — «барахолкой») и не помышлял о творческих взлётах, все перечисленные мною прозаики, поэты, критики уже успели многое сделать в отечественной литературе? Нет ли в его отношении к ним «писательской ревности»?

Ну, право же, не знаю, что и подумать.

Конечно, эти по праву заслужившие любовь сотен тысяч читателей писатели и поэты, чьи произведения, к тому же, переведены на многие языки других народов мира, не знают, что и по чём можно с выгодой купить и перепродать. Оттого-с «цена» их в глазах посетителя Comedy Club может оказаться ничтожной, плёвой-с. Я это вполне допускаю. Только тогда хочется у него спросить — какое же это отношение имеет к литературе?

В общем — просто теряюсь в догадках...

Хотя ведь есть у нашего народа такая поговорочка, знаете ли, не совсем приятная, но, честное слово, лучше ведь и придумать невозможно-с: «Не суйся со свиным рылом в калашный ряд». Может, кого и смутил я сей резкостью (впрочем — оговорюсь, оговорюсь, родимые мои — это не я, это всё народец наш, который, видишь ли, тёмен, груб да необразован, в Comedy Club не ходит — так какой с него спрос?), а попробуй-ка скажи точнее. Нет, не скажете. Об любой заклад, родимые, бьюсь, что не сыскать вам точнее слов — хоть и грубоватые-с они для изысканного слуха некоторых-с.

Ну, дальше-то я разбирать записи нашего «писателя» не стану. Признаюсь, насмеялся я вволю, а уж далее скучать начну-с. Этого мне, как на духу признаюсь, ну никак не хотелось бы. Уж больно у меня сейчас хорошее настроеньице-с!

Post scriptum.

Посмеяться-то я посмеялся вволю над этими «писательскими» изысканиями, а потом и задумался, когда напомнил самому себе, что, между прочим, сей литератор в 2000-х годах несколько лет был министром культуры Нижегородской области, определял, так сказать, культурную политику региона — какие книги публиковать, какие спектакли финансировать, каких художников поддерживать, кому и какие средства выделять.

В общем — по своему разумению внедрял культурку в тёмные и необразованные народные массы. И всё с таким-то вот изысканнейшим вкусом, с высоты, так сказать, непоколебимого

авторитета и незыблемого интеллекта. При этом не уставая повторять, что с самим Никитой Сергеевичем Михалковым на дружеской ноге.

Теперь итоги этого правления мы расхлёбываем... Ну так чья очередь смеяться?.. И что если не в одной Нижегородской области подобные субъекты похозяйничали в культуре? Что тогда? А вы их всё пугаете, объявляя один год Годом культуры, другой — Годом литературы... Корабль меж тем плывёт ранее проложенным курсом.